DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.2.5>

УДК 177.9:008(47+57)

ББК 87.713.12

ОБ ИДЕЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ¹

Евгений Владимирович Карчагин

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, социологии и психологии,
Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет
evgenkar@yandex.ru
ул. Академическая, 1, 400074 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлена попытка описать содержательные особенности интерпретации общечеловеческой идеи справедливости в русской культуре. Отмечается, что для русской культуры характерна аксиологическая дуалистичность. Справедливость, понимаемая как приемлемая для нравственного сознания мера и порядок должного распределения благ и тягот, в русской культуре приобрела несколько основных концептуальных значений. В статье утверждается, что центральное, основное значение справедливости в русской культуре связано с категорией «правда» и восходит к морально-религиозной «праведности».

Ключевые слова: справедливость, дуалистичность, правда, русская культура, национальный характер.

Важное методологическое значение для социокультурных исследований справедливости имеет такая мысль Дж. Ролза, сформулированная им в одной из самых ранних своих работ: «Общества будут различаться между собой не в том, имеется или нет там это понятие, но в том наборе случаев, к которым оно приложимо в этих обществах, и в том значении, которое придается ему в сравнении с другими моральными концептами» [17, р. 194]. Данная статья ставит своей целью сформулировать содержательные особенности интерпретации общечеловеческой идеи справедливости в русской культуре.

Так, сформулированная цель требует решения целого ряда вопросов. Каковы типологические особенности русской культуры и можно ли их вообще выделить? Как справедливость отражает данные особенности русской культуры? Имеется ли особая, своеобразная «русская справедливость», отличающаяся от своих аналогов в других культурах?

Понятно, что трудно выявить общие черты для всей русской культуры в целом. Не просто определить для нее и точные временные рамки, и легче ограничиться, к примеру, древнерусским периодом, «серебряным веком» или советской эпохой. Тем не менее мы представим общие соображения о русской культуре как о некоем едином целом, поскольку поиск «русской справедливости» невозможен без опоры на общую концепцию русской культуры. Ценные мысли о русской культуре как аксиологической целостности оставили М.О. Лившиц, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев и другие.

Для русской культуры, как это убедительно продемонстрировали Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, характерна аксиологическая дуалистичность, без «нейтральной зоны» [8, с. 339] и для средневекового и для последующих этапов русской культуры, в частности, в отношении к старому и новому, которая тем не менее логически обязательна в силу прин-

ципа аксиологической полноты. Специфика русской культуры в XVI–XIX вв., «в частности, проявлялась в том, что связь с прошлым объективно наиболее резко ощущалась тогда, когда субъективно господствовала ориентация на полный с ним разрыв, и, напротив, ориентация на прошлое связывалась с вычеркиванием из памяти реальной традиции и обращением к химерическим конструктам прошлого» [8, с. 371]. Это, как полагают авторы, объясняет, почему для разных этапов истории России «не характерен консерватизм и, напротив, характерны реакционные и прогрессивные тенденции» [8, с. 341].

Противоречивые черты русского национального характера и русской культуры, проявленные в виде таких полярностей, как Кутафья башня и Московский университет, древнерусская иконопись и послепетровская живопись, Москва и Санкт-Петербург, «представляют собой закономерное единство и создают как раз то, что является общим историческим фоном, стилем, традицией нашей культуры. Эти две струи, два элемента, две черты характерны для нашей культуры» [7, с. 38]. Даже хрестоматийный спор между славянофилами и западниками последовательно являет собой эту логику радикального противоречия. Характерно, что Герцен, говоря о славянофилах и западниках, сравнивает их с двуликим Янусом: «Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но неодинаковая... И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно» [3, с. 170].

Итак, типологической особенностью русской культуры можно считать ценностную дуалистичность. Как идея справедливости отражает эту черту русской культуры?

Справедливость выражает качество ответственности правильному, правде, правому, то есть верному вообще, должному в отношении существования, распределения и в отношении внутреннего гомеостаза социального субъекта (как личности, так и общества). Справедливость есть мера или пропорция равенства (или неравенства), мера правильного сочетания частей целого, принципиально возможная в двух вариантах: эгалитарном горизонтальном и иерархическом вертикаль-

ном. Справедливость фиксирует приемлемую для нравственного сознания меру (порядок, способ, версию, тип) конфигурации социокультурной реальности. Если выразиться максимально кратко, то справедливость есть мера должного распределения благ и тягот. В контексте дефиниции мерой мы предлагаем считать любую смысловую концептуализацию справедливости. Распределение (дистрибуция) пронизывает всю социальную реальность и поддерживает социальный метаболизм, обмен и циркуляцию всех видов социокультурных благ и антиблаг или тягот. Воздаяние, наказание, взаимный обмен мы также рассматриваем как разновидность распределения.

Как именно представлена справедливость в русской культуре? На каком материале она видна лучше всего? Можно считать, что присутствие идеи справедливости обнаруживается: в теоретических (прежде всего философских) текстах, специально ей посвященных; в текстах, имеющих к ней косвенное отношение, но, тем не менее, ясно эксплицирующих идею (например, религиозных, литературных, политических); в языке вообще; в оценках, ценностном отношении и нормах национального менталитета и национальных социальных институтов; в материальных формах и артефактах русской культуры – музыке, архитектуре, живописи т. д.

В русском термине «справедливость», также как и в соответствующих терминах других языков, на глубинном уровне соотнесены логический, моральный и социальный порядок. Корневые основы «справедливости», «правильности», «правды», «праведности», «управления» совпадают. Интересно, что и от слова «порядок» можно образовать моральные термины – «порядочность», «порядочный». Справедливость тем самым означает правильный, верный, истинный порядок вещей и человеческих отношений в обществе.

Русская культура дает свои варианты обоснования оправданности того или иного порядка и ценит разные блага в разных отношениях. По этой причине она не составляет чего-то монолитного и гомогенного, но имеет сложный, комплексный характер как в диахроническом (динамическом), так и в синхроническом (статичном) плане.

Концептуальной эволюции справедливости в русской культуре посвятила несколько своих публикаций Н.В. Печерская [12; 16]. В ее работах мы находим обоснованный взгляд на диахроническое бытие идеи справедливости в русской культуре, метаморфозы и основные пути трансформации этого понятия на русской культурной почве. Н.В. Печерская свое исследование проводит на базе теории позднего Л. Витгенштейна и работает в рамках концепции моральных практик. Согласно ее выводам справедливость – это концепт, работающий только в конкретной, отдельно взятой моральной практике и не сводимый к концепту справедливости из другой моральной практики. Ее заслуга в том, что она выявляет и описывает несколько концептуальных моделей «русской» справедливости. Н.В. Печерская прослеживает эволюцию понятия «справедливость» в русской культуре с конца XVII до конца XX века. Автор показывает, что слово «справедливость» за три века своей «русской истории» превратилось в многозначное понятие. На протяжении всего XIX в. в рамках социально-философского дискурса происходило оформление каждого из его значений в самостоятельную, рационально обоснованную систему идей со своими теоретиками, принципами и критериями справедливого и несправедливого. Постепенно значения все более обособлялись, входя в конфронтацию друг с другом. Именно поэтому не существует общего универсального понятия «справедливости», объединяющего все значения. Каждое из них образует отдельный «мир справедливости» – универсальный и самодостаточный [12].

Тем не менее мы полагаем, что основной дискурс справедливости в русской культуре во многом концептуализировался и оформлялся через концепт «правда». Некоторые исследователи считают правомерным утверждать наличие в русской культуре особой «правды-справедливости» [14; 15]. В русской интеллектуальной традиции сквозной линией проходит рассуждение о синтетическом характере правды, которая объединяет в себе истину и справедливость. В частности, Н.К. Михайловский разграничивал объективную правду-истину и субъективную нравственно-оценочную правду-справедливость.

Даже большевизм в этом смысле продолжает традиции русского правдоискательства. Так, В.А. Печенев отмечает внимание к правдоискательству и стремление к правде как национально-традиционный феномен, порожденный «спецификой России, ее национального бытия и характера народного самосознания» [11, с. 243]. «В русском языке, собственно говоря, “справедливость” как слово, как понятие сливается в одно целое с великим, емким словом “правда”, дополняет его. Жить по правде, действовать в соответствии с истиной в народном обиходе всегда и означало жить по законам справедливости» [11, с. 64]. Причину этого В.А. Печенев видит в принципиальном разведении истинностного значения справедливости и морально-нравственного смысла справедливости.

Скорее всего, такое отношение к справедливости обусловлено христианской рецепцией и интерпретацией термина δικαιοσύνη, который переводится в русских изданиях Нового Завета как «правда» и «праведность». Это обусловлено тем, что «социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете в целом сохраняют историческую преемственность с христианскими идеалами народа (прежде всего русских как титульной нации) дореволюционной России» [1, с. 319].

Возможно также, что влияние религиозной традиции осмысления справедливости как правды и праведности помешало формированию собственно философского понимания справедливости в русской интеллектуальной традиции.

В этой связи особое значение имеет вопрос о связи специфики русского менталитета и представлений о справедливости. В своей статье «Русский национальный характер» Б.П. Вышеславцев вспоминает одну русскую былинку об Илье Муромце и о его ссоре с князем Владимиром [2]: «Однажды устроил князь Владимир “почестей пир” “на князей, на бояр, на русских богатырей”, “а забыл позвать старого казака Илью Муромца”». Илья, воплощающий крестьянство как главную опору и силу русской земли, конечно, страшно обиделся. «Натянул он тугой лук, вложил стрелочку каленую и “начал он стрелять по Божьим церквам, да по чудесным крестам, по тым маковкам золоченым”. И вскричал Илья во всю

голову зычным голосом: «Ах вы, голь кабацкая (доброхоты царские!), Ступайте пить со мной заодно зелено вино, Обирать-то маковки золоченыя!» Тут-то пьяницы, голь кабацкая, бежат, прискакивают, радуются:

– Ах ты, отец наш, родной батюшка! – Пошли обирать на царев кабаки, Продавать маковки золоченые, Берут золоту казну бесчисленную, И начали пить зелено вино».

По мнению Б.П. Вышеславцева, это картина русской революции. Мужичьего богатыря не позвали на княжеский пир. И в силу некоторой справедливой обиды внезапно он стал разрушать все, что признавал святыней и что защищал всю свою жизнь. «Здесь ясно виден весь русский характер: несправедливость была, но реакция на нее совершенно неожиданна и стихийна. Это не революция западно-европейская; с ее добыванием прав и борьбою за новый строй жизни, это стихийный нигилизм, мгновенно уничтожающий все, чему народная душа поклонялась, и сознающий притом свое преступление, совершаемое с “голь кабацкою”. Это не есть восстановление нарушенной справедливости в мире, это есть “неприятие мира”, в котором такая несправедливость существует. Такое “неприятие мира” есть и в русском горестном кутеже, и в русских юродивых и чудаках, и в нигилистическом отрицании культуры у Толстого, и, наконец, в коммунистическом нигилизме» [2].

Любопытно окончание былинной истории. Владимир, увидав «погром», испугался и понял, «что пришла беда неминуемая». Он устроил новый пир специально для «старого казака Ильи Муромца». Но трудная задача была его пригласить, ясно было, что он теперь уж не пойдет. Тогда снарядили в качестве посла Добрыню Никитича, русского барина-богатыря, который вообще исполнял дипломатические поручения. Только он сумел уговорить Илью. И вот Илья, которого теперь посадили на самое лучшее место и начали угощать вином, говорит Владимиру, что он не пришел бы, конечно, если бы не Добрыня, его «брат названный». «Знал, кого послать меня позвать!» И далее признается, что у него было намерение «убить тебя князя Владимира / Со стольною Княгиней с Евпраксией / А ныне тебя Бог простит / За эту вину за великую!».

Б.П. Вышеславцев полагает, что «этого пророческого предупреждения, совершенно ясно высказанного в русском былинном эпосе, не поняла русская монархия: она не послала барина Добрыню, чтобы пригласить “брата крестового”, русского мужичьего богатыря на княжеский и боярский пир» [2].

Выходит, что не приглашение русского народа на «пир» распределения российских богатств чревато самыми неприятными последствиями для структур власти.

Указанные особенности в отношении справедливости национального менталитета русского народа проявляются и в XXI веке. С.В. Мареева показывает, что представления о справедливом обществе до сих пор являются важными для большинства населения страны и сформировали достаточно устойчивую ценностно-нормативную систему, независимо от социального положения и динамики личного благополучия: «...в целом можно говорить о том, что ключевыми его элементами, с точки зрения россиян, являются равенство возможностей для всех, активная роль государства в системе социальной защиты, поддерживающей всех оказавшихся в сложном положении не по своей вине, дифференциация в доходах, отражающая образование, квалификацию и эффективность работы каждого человека, но находящаяся в разумных пределах. <...> И хотя россияне проявляют высокую степень толерантности к большинству видов социальных неравенств, сложившаяся на данный момент в России ситуация отнюдь не отвечает их представлениям о справедливости: неравенства в доходах представляются им излишне высокими, а их основания – нелегитимными. И эта проблема остро переживается населением страны. Более того, россияне не видят никаких возможностей изменения сложившейся ситуации, что приводит к росту недовольства и социальной напряженности и еще большим расхождениям между представлениями об обществе, в котором россияне хотели бы жить, и тем, в котором они на данный момент жить вынуждены» [10, с. 26]. Заметим, что социальные неравенства и несоответствие «сферы сущего» «сфере должного» в русской культуре скорее «переживаются», нежели рационально оспариваются.

Российское общество по сути не выработало рациональных принципов социальной справедливости, справедливость в русской культуре по большей части сводится к чувству справедливости. Так, по словам М.К. Мамардашвили, в России конца XIX – начала XX в. не возникла артикулированная форма выражения, обсуждения и кристаллизации общественного гражданского мнения, «не случилось права, а случилась справедливость как интуитивное ощущение, всех объединяющее, которому нужно доверять больше, чем формализованному институту права» [9, с. 164].

Справедливость в качестве традиционной ценности, переданной предками, упоминается в преамбуле Конституции Российской Федерации 1993 г. («Мы, многонациональный народ Российской Федерации, ... чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость... принимаем Конституцию Российской Федерации»). Однако, на наш взгляд, и вся в целом Конституция направлена на установление справедливого порядка, установление справедливости в широком смысле (и в изначальном смысле), так как устанавливается определенная дистрибутивно-распределительная структура, легитимизирующая определенный порядок и каналы движения социальных благ и тягот, свободы и ограничений, предписывающая обязательные, запрещенные и разрешенные практики. Конституция распределяет власть, социальные блага – безопасность, образование. Конечно, заявленные права и свободы во многом носят декларативный характер. В тексте Конституции не очень внятно прописаны механизмы создания прочной позиции гражданина. Многовековой опыт государственного произвола и бесправия обычных граждан в нашем отечестве не был учтен российскими конституционалистами.

Понимание справедливости в современной академической русскоязычной литературе не отличается самостоятельностью и оригинальностью. Г.Ю. Канарш указывает на некоторые современные тенденции социально-философского и политологического дискурсов справедливости в конкретном политическом процессе России. Показав «аксиологические основания консервативного, этнократического, социал-демократического, центристско-

го и коммунитаристского проектов, а также особенности образа справедливого общественно-политического устройства, который сформировался или формируется в рамках этих доктрин» [4, с. 160], он считает максимально обоснованным и приемлемым центристский проект «хорошего общества» («good society») В.Г. Федотовой. В свою очередь, Б.Н. Кашников в рецензии [6] на фундаментальную работу А.В. Прокофьева «Воздавать каждому должно... Введение в теорию справедливости» [13], содержащую добротный обзор современных дискуссий о справедливости, довольно критически оценил ее оригинальность. Можно согласиться с такой оценкой несамостоятельности дискурса справедливости А.В. Прокофьева, однако и сам Б.Н. Кашников в своих работах демонстрирует сильную зависимость от концептуального подхода Джона Ролза [5].

Таким образом, социокультурные причины не появления в России полноценной академической, сопоставимой с западной, традиции анализа справедливости, помимо всего прочего, можно видеть в следующем: во-первых, отсутствие равных социально-политических субъектов (власть – народ), то есть отсутствие правового государства и гражданского общества; во-вторых, доминирование морально-религиозного дискурса, ставящего на место справедливости милосердие, которое или выше справедливости, или отождествляется с последним.

Мы считаем, что в России по-настоящему вопрос о справедливости еще не ставился на том уровне и в том масштабе, которого он заслуживает. В силу ряда причин пока не решены внутренние проблемы теории и практики справедливости, а это препятствует полноценному анализу проблем глобальной справедливости в качестве одного из самостоятельных субъектов межкультурного диалога. В заключение также отметим, что идеи, изложенные в статье, носят предварительный, «очерковый» характер и нуждаются как в дальнейшей доработке, так и в критической проработке.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского

проекта РГНФ 15-33-01401а(2) «“Справедливость”, “оправданность” и восприятие коррупции в общественном сознании».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воловикова, М. И. Представления русских о нравственном идеале / М. И. Воловикова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. – 332 с.
2. Вышеславцев, Б. П. Русский национальный характер / Б. П. Вышеславцев // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 113–117.
3. Герцен, А. И. Былое и думы / А. И. Герцен // Собрание сочинений : в 30 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – Т. IX. – 355 с.
4. Канарш, Г. Ю. К вопросу о российском дискурсе справедливости / Г. Ю. Канарш // Полис. – 2008. – № 5. – С. 160–168.
5. Кашников, Б. Н. Введение в теорию справедливости. Какая теория? Чья справедливость? / Б. Н. Кашников // Этическая мысль. – 2015. – Т. 15, № 1. – С. 15–25.
6. Кашников, Б. Н. Исторический дискурс российской справедливости / Б. Н. Кашников // Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С. 29–43.
7. Лифшиц, М. Очерки русской культуры / М. Лифшиц. – М. : Академический проект, 2015. – 751 с.
8. Лотман, Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Успенский, Б. А. Избранные труды. Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский. – М. : Гнозис, 1994. – С. 338–380.
9. Мамардашвили, М. К. Опыт физической метафизики / М. К. Мамардашвили. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 304 с.
10. Мареева, С. В. Справедливое общество в представлениях россиян / С. В. Мареева // Общественные науки и современность. – 2013. – № 5. – С. 16–26.
11. Печенев, В. А. Истина и справедливость : (Размышления о нравственно-философских аспектах проблемы) / В. А. Печенев. – М. : Политиздат, 1989. – 256 с.
12. Печерская, Н. В. Справедливость: между правдой и истиной : (История формирования концепта в русской культуре) / Н. В. Печерская // «Правда» : Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. – М. : ИД «Ключ-С», 2011. – Гл. 1. – С. 15–48.
13. Прокофьев, А. В. Воздавать каждому должное... Введение в теорию справедливости / А. В. Прокофьев. – М. : Альфа-М, 2013. – 512 с.

14. Рачков, П. А. Правда-справедливость / П. А. Рачков // Вестник Московского государственного университета. Серия 7, Философия. – 2006. – № 1. – С. 83–107.

15. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

16. Pecherskaya, N. V. Looking for justice: the everyday meaning of justice in late Soviet Russia / N. V. Pecherskaya // Anthropology of East Europe Review. – 2012. – Vol. 30, № 2. – P. 20–38.

17. Rawls, J. Justice as Fairness / J. Rawls // The Philosophical Review. – 1958. – Vol. 67, Apr. (№ 2).

REFERENCES

1. Volovikova M.I. *Predstavleniya russkikh o npravstvennom ideale* [Representations of Russian Moral Ideal]. 2nd ed. rev. and add. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2005. 332 p.
2. Vysheslavtsev B.P. Russkiy natsionalnyy kharakter [Russian National Character]. *Voprosy filosofii*, 1995, no. 6, pp. 113–117.
3. Gertsen A.I. Byloe i dumy [The Past and Contemplations]. *Sobranie sochineniy v 30 t* [Collected Works in 30 vols.]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1956, vol. 9. 355 p.
4. Kanarsh G.Yu. K voprosu o rossiyskom diskurse spravedlivosti [On the Russian Discourse of Justice]. *Polis*, 2008, no. 5, pp. 160–168.
5. Kashnikov B.N. Vvedenie v teoriyu spravedlivosti. Kakaya teoriya? Chya spravedlivost? [Introduction to the Theory of Justice. What Theory? Whose Justice?]. *Eticheskaya mysl*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 15–25.
6. Kashnikov B.N. Istoricheskiy diskurs rossiyskoy spravedlivosti [Historical Discourse of the Russian Justice]. *Voprosy filosofii*, 2004, no. 2, pp. 29–43.
7. Lifshits M. *Ocherki russkoy kultury* [Essays of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2015. 751 p.
8. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. Rol dualnykh modeley v dinamike russkoy kultury (do kontsa XVIII veka) [The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (Till the End of the 18th Century)]. *Uspenskiy B.A. Izbrannye trudy. T. 1: Semiotika istorii. Semiotika kultury* [Uspenskiy B.A. Selected Works. Vol. 1: Semiotics of History. Semiotics of Culture]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 338–380.
9. Mamardashvili M.K. *Opyt fizicheskoy metafiziki* [The Experience of Physical Metaphysics]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2009. 304 p.
10. Mareeva S.V. Spravedlivoe obshchestvo v predstavleniyakh rossiyan [A Just Society in the

Russian Views]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2013, no. 5, pp. 16-26.

11. Pechenev V.A. *Istina i spravedlivost: (Razmyshleniya o nравstvenno-filosofskikh aspektakh problemy)* [Truth and Justice: (Reflections on the Moral and Philosophical Aspects of the Problem)]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 256 p.

12. Pecherskaya N.V. *Spravedlivost: mezhdru pravdy i istinoy: (Istoriya formirovaniya kontsepta v russkoy kulture)* [Justice: Between Truth and Verity: (The History of the Concept of Russian Culture)]. *“Pravda”: Diskursy spravedlivosti v russkoy intellektualnoy istorii* [“Truth”: Discourses of Justice in Russian Intellectual History]. Moscow, ID “Klyuch-S” Publ., 2011, chapter 1, pp. 15-48.

13. Prokofyev A.V. *Vozdavay kazhdomu dolzhnoe... Vvedenie v teoriyu spravedlivosti* [To

Give Everyone What They Need... Introduction to the Theory of Justice]. Moscow, Alfa-M Publ., 2013. 512 p.

14. Rachkov P.A. *Pravda-spravedlivost* [Truth-Justice]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya*, 2006, no. 1, pp. 83-107.

15. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar russkoy kulture. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kulture” Publ., 1997. 824 p.

16. Pecherskaya N.V. Looking for Justice: the Everyday Meaning of Justice in Late Soviet Russia. *Anthropology of East Europe Review*, 2012, vol. 30, no. 2, pp. 20-38.

17. Rawls J. Justice as Fairness. *The Philosophical Review*, 1958, vol. 67, Apr. (no. 2).

ON THE IDEA OF JUSTICE IN RUSSIAN CULTURE

Evgeniy Vladimirovich Karchagin

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy, Sociology and Psychology,
Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering
evgenkar@yandex.ru
Akademicheskaya St., 1, 400074 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is an attempt to describe the substantial features of the interpretation of the idea of universal justice in the Russian culture. It is noted that Russian culture has axiological duality. Justice is understood as acceptable to the measure of moral consciousness and to the order of proper distribution of benefits and burdens. In Russian culture justice acquires some basic conceptual meanings. The article states that the central, basic meaning of justice in the Russian culture is associated with the category of “pravda” (truth) and dates back to the moral and religious “righteousness”. Russian society did not develop the rational principles of social justice. Justice in the Russian culture for the most part is reduced to sense of justice. Understanding of justice in contemporary Russian humanities and academic publications does not have much originality and independency. The social and cultural reasons for non-appearance in Russia of a full-fledged academic tradition, comparable to the western tradition of the analysis of justice, can be seen in 1) the lack of equal social and political actors (state power - people), that is the absence of real “Rechtstaat” (legal state) and civil society, and in 2) the dominance of the moral and religious discourse of justice.

Key words: justice, duality, truth, Russian culture, national character.